

ДУБРОВСКИЙ

I

С конца двадцатых годов Пушкин-прозаик захвачен мыслью создать русский исторический роман. Первая попытка («Арап Петра Великого»), однако, по ряду причин была брошена. Вторая попытка создать новое большое историческое полотно была сделана Пушкиным в 1832 г. в «Дубровском». Обстоятельства, при которых был задуман и писался этот роман, мало известны. Ни каких-либо воспоминаний современников, ни самопризнаний Пушкина, касающихся «Дубровского», до нас не дошло. Исключением является лишь одно письмо Пушкина от 2 декабря 1832 г. к его другу П. В. Нащокину. Но оно относится уже к моменту, когда первый «том» романа был закончен. Так или иначе Нащокин связан с самым замыслом романа. Впоследствии, в 50-х годах, он сам рассказывал, что именно от него Пушкин узнал про небогатого белорусского дворянина Островского, вытесненного соседом из имения и ставшего совместно с крестьянами «грабить сначала подъячих, потом и других». Нащокин видал этого Островского в остроге (запись П. Бартенева). Повидимому, найдя именно в этом рассказе интересовавшие его моменты (помещичья тяжба, захудалый дворянин, совместно с крестьянами мстящий

сначала судебным чиновникам — подьячим, а потом и вообще становящийся на путь «разбоя»), Пушкин значительно отошел от этого рассказа, создавая свой роман о «благородном разбойнике». Но он и в дальнейшем обращался за рядом справок к Пащокину и, естественно, именно его держал в курсе хода своей работы над романом. К тому же приятель Пащокина — Д. В. Короткий, служивший в ссудной казне, хорошо знал ведение судопроизводства и мог дать полезные фактические указания и поправки к судебным сценам романа. Видимо, через этого чиновника Пушкин достал и выписку из подлинного судебного дела сельца Новопанского, думая ввести этот юридический документ с необходимыми изменениями в текст II главы романа.

По сохранившимся планам, программам и оглавлениям можно проследить, как создавался и изменялся замысел Пушкина.

Первоначальная схема романа представлялась в следующих чертах:

«Островский, воспитываясь в Петербурге, по смерти отца возвращается в деревню, о которой идет тяжба. Находит одну усадьбу с дворовыми людьми без крестьян и без земли. Люди его питают его и себя как-нибудь. Едет заседатель, люди Островского его убивают из мести. Следствие начинается. Суд приезжает к Остр. Островский заступает за своих людей — вяжет суд и делается разбойником.

Островский, негодуя на свое состояние, решается убить помещика, виновника его несчастья. Он бродит около его деревни, встречает его дочь, влюбляется в нее. Он ищет случая с нею познакомиться. Встречает учителя француза, едущего к помещику, он огымает

у него бумаги и паспорт представляется к помещику.

У помещика праздник. Сосед ограбленный. Шка-
тулка. Учитель убегает с барышней.

[Островский распускает свою шайку]. Жена его
рожает, она больна, он везет ее лечиться в Москву —
избрав из шайки надежных людей и распустив осталь-
ных. Остр. в Москве живет уединенно, фореитор его
попадает в буйстве и доносят на Остр. (с одним из
шайки Островского). Обер-полицмейстер».

В этом плане имеется ряд существенных отличий
от осуществленного затем романа. Роль дворовых
«людей» несколько иная. Они сами убивают из мести
члена суда — «заседателя», и только после начавше-
гося следствия герой заступает за своих людей и
вяжет суд. Имена большинства действующих лиц в этом
плане еще вовсе отсутствуют. Предполагается заклю-
чительная часть романа, не осуществленная Пушки-
ным (Островский в Москве).

В другом плане Пушкин детализировал начало
романа следующим образом:

«Дубровский. 1-ая глава, 2-ая. Болезнь. Письмо
няни. Попытки к примирению. Смерть, похороны;
приезд молодого барина, [введение во владение] — во
время пирушки пожар. Он занимается делами — разби-
рает бумаги. Жажда мщения. Встреча его с дочерью.
Дубровский — прогулка его на кладбище. Приезд
суда — *ночной пожар* (от людей без участия
Дубровского). Архип убивает суд. Дубровский и его
виновные люди скрывается».

Этот план исключительно интересен в том отноше-
нии, что в нем Пушкин не только выдвигает роль кре-

постных, отодвигая на задний план героя-помещика («ночной пожар от людей без участия Дубровского»), но и свидетельствует о решительном намерении Пушкина дать инициативу одному определенному крепостному, названному уже по имени («Архип убивает суд»). В заключительной фразе Пушкин еще раз подчеркивает, на ряду с упоминанием Дубровского, «его виновных людей». Это изменение в двух планах романа (в первом: «Дубровский вяжет суд», во втором: «Архип убивает суд») существенно видоизменило самую природу образа молодого Дубровского. Его социальный протест оказался мотивированным в романе более правдоподобным для дворянина личным мотивом родовой мести. Этим изменением Пушкин тончайшим образом отделил в «разбойничьем» союзе Дубровского и его людей стимулы бунта дворянина — от бунта крепостных.

Среди рукописей Пушкина сохранилась и еще следующая, особо сделанная, запись, свидетельствующая, что Пушкин продолжал обдумывать тот же эпизод, делая Архипа то поваром, то кузнецом, но оставляя за ним его роль:

«Пока приказные пьют, в людской люди сговариваются, и повар Архип решается убить их».

Сохранившиеся оглавления романа соответствуют его дальнейшему сюжетному развитию:

«Ссора	[Кн. Верецкий. visite]
Суд	[? visite] Сватовство
Смерть	Свидание
Пожар	Письмо перехваченное
Учитель	Свадьба, отъезд
Праздник	Команда, сражение
Объяснение	Распущенная шайка.

Эпизод с князем Верейским, нападение Дубровского на свадебную карету и сражение его с командой правительственных войск также были намечены в особом плане:

«[Разлука, объяснение, обручение
Капитан Исправник]
Жених. Князь Жених
Свадьба [похищение, карета в лесу]
Команда, сражение
[рана] [сумасшествие]
Распущенная шайка».

В упомянутом письме к Нащокину из Петербурга от 2 декабря 1832 г., сообщая о денежных своих затруднениях, Пушкин писал: «Поэтому поговорим о деле, честь имею тебе объявить, что первый том Островского кончен, и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику Г. Короткого. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого протерпел другие две недели: так что не брался за перо, и не мог связать две мысли в голове».

Ход работ Пушкина над первой частью романа виден по датам, которые он проставлял в рукописи «Дубровского». Эта единственная, почти сплошь карандашом писанная рукопись без заглавия, имеет весьма черновой вид и писана с большим количеством поправок, перестановок, зачеркиваний, вставок. Некоторые места представлены лишь в *зачеркнутых* Пушкиным вариантах и не согласованы с остальным текстом. Иные — заменены новыми. Например, (заключенные нами в тексте в прямые скобки) фразы первой главы: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой,

пошел в гору» заменены фразой: «Обстоятельства разлучили их надолго». Видимо, Пушкин не хотел, готовя роман к печати, останавливать внимание на годе дворцового переворота Екатерины II, произведенного при участии Дашковой и повлекшего за собой и возвышение ряда «родственников княгини Дашковой». Эти фразы были бы восприняты как выпад против этой части неродовитого дворянства, сделавшего карьеру на перевороте. Была бы и хронологическая невязка.

В собственных именах рукописи наблюдаются, — в гораздо большей степени, чем это случается в других черновых пушкинских рукописях, — колебания на протяжении всего романа. Так, Дубровский называется то Дубровским, то Островским, то Зубровским. Дефорж иногда называется именем воспитателя самого Пушкина в его детские годы — Русло; Марья Кириловна зовется также Марьей Петровной, Марьей Гавриловной, Натальей Гавриловной; няня Егоровна именуется также Петровной и Аксиньей Троцкой; село Покровское — Покровшиным и т. п. Наконец не сведена к единству и хронология романа (возраст Троекурова, возраст Владимира). Точно так же и подлинное судебное дело, вложенное Пушкиным в рукопись и поныне хранящееся в ней, вероятно, при окончательной обработке романа было бы значительно сокращено и во всяком случае приведено к единству с именами, отношениями и хронологией романа. Пушкин только начал эту работу. Изменив кое-где имена подлинных тяжущихся помещиков (Муратова и Крюкова) на имена Троекурова и Дубровского, он не довел, однако, правки до конца. Во избежание противоречий с романом текст «дела»

публикуется в настоящем издании с последовательной заменой этими именами и с пропусками цифр и дат там, где Пушкин не заменил эти последние соответственно хронологии и обстоятельствам «Дубровского». В первой части рукописи романа Пушкиным представлены следующие даты ее написания: перед главой I — 21 октября 1832 г.; в середине I главы — 25 октября; после I — 26 октября; после II — 27 октября; в середине III — 29 октября; после III — 2 ноября; в середине VI — 8 ноября; после VII — 9 ноября; после VIII — 11 ноября.

В декабре Пушкин приступил к писанию *второй* части, продатированной в рукописи следующим образом: после IX главы — 14 декабря; после X — 16 декабря; в середине XI — 16 декабря; в середине XII — 21 декабря; в середине XIII — 25 декабря; после XIII — 28 декабря; после XIV — 29 декабря; после XV — 1 января 1833 г.; после XVI — 3 января; после XVII — 6 января; после XVIII — 15 января; в конце XIX — 22 января и после нее — 6 февраля.

Как видно из вышеприведенных планов, роман не должен был заканчиваться на разгроме «шайки» Дубровского, а предполагалась еще третья часть (том), местом действия которого должна была быть Москва. Неизвестно, был ли этот «том» в какой-либо степени осуществлен Пушкиным. Судя по деталям конца имеющейся рукописи, были еще какие-то вставки-продолжения. Но сохранились еще некоторые планы, раскрывающие предполагаемое содержание этого заключительного тома. Повидимому, Пушкин первоначально был намерен вернуться к дальнейшей судьбе Дубровского, излеченного лекарем от раны и в уеди-

нении живущего в Москве, пока по доносу слуги его не обнаружил там полицмейстер. Об этом в соответствии с более ранним говорит такой план:

«Москва, лекарь, уединение
Кабак, извет
Подозрение, полицмейстер».

Хотел вернуться Пушкин и к судьбам супругов Верейских.

Указания Пушкина неясны, но можно предположить, что после смерти Верейского его вдова встретилась с неким англичанином, играющим роль в ее жизни. (Напрашивается предположение, не был ли это вновь переодетый Дубровский.) В этот момент Дубровский и попадает в руки полицмейстера. Вот этот план:

«Жизнь Марьи Кирilloвны
Смерть князя Верейского
Вдова
Англичанин —
Свидание
Игроки
Полицмейстер
Развязка».

«Дубровский», однако, остался в черновой рукописи незавершенным и невыправленным. В январе 1833 г. Пушкин был уже занят планами нового романа. Не докончив «Дубровского», он ходатайствовал о предоставлении ему для изучения в архиве «Следственного Дела» о Пугачеве и вскоре ушел в работу над «Капитанской дочкой». «Дубровский» же по черновой рукописи был напечатан лишь после смерти Пушкина в 1841 г. В печатный текст вкралось много искажений,

допущенных редакторами. Текст уточнялся лишь постепенно и только в послереволюционное время подвергся планомерному изучению по рукописи с выправлением цензурных и прочих искажений. Следует, однако, иметь в виду, что черновая рукопись имеет еще большое количество мелких вариантов и более крупных перепланировок, которые могут быть только в известной мере учтены в обычных изданиях для чтения.

Образ Троекурова впервые был закреплён в таком варианте:

«Илья Петрович Нарумов долго был дворянским предводителем одной из северных наших губерний. Его звание и богатство давали ему большой вес во мнении помещиков, соседей.

Он был избалован их обращением слишком уже снисходительным и привык давать полную волю порывам нрава пылкого и сурового, и затеям довольно ограниченного ума».

Среди мелких заметок, относящихся к «Дубровскому», есть одна, конспектирующая содержание XVII главы:

«Садовник ловит мальчика. Саша отымаёт у него кольцо и снова кладёт в дупло. Приказчик запирает мальчика на голубятню покаместь будет ему время. Перед светом мальчик убегает».

Наконец среди особо значительных вариантов той же XVII главы имеется следующий:

«— Ага; — заметил Кириля Петрович, — слуги в барина, каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах.

— Всяко случается, — отвечал мальчик насмешливо.

— И, конечно, случается, что вашу братию секут розгами в задаток кнута — слышал ли ты это.

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою раздаться. Ступай в свою комнату. Ты — косою — ты мне кажешься малый не промах — если ты мне скажешь кто тебя подослал за кольцом, так я тебя не высеку, а дам еще пятак на орехи — не то, велю Степану отодрать тебя на обе корки — понимаешь.

— Очень понимаю.

— Отвечай же, где твой барин, зачем он тебя подослал.

Мальчик не отвечал ничего. —

— Добро, гей, люди, спустите-ка с него портки, разложите его — розог.

Розги явились — мальчишку схватили, раздели и растянули на полу сарая. Мальчик молчал.

— Хочешь ли говорить, — спросил Кирила Петрович.

Мальчик не отвечал ни слова.

— Не хочешь? — секите ж его. — Розги хлестнули. — Мальчик молчал с терпением, достойным маленького спартамца.

— Полно, — сказал Кирила Петрович, — теперь отдай кольцо — и ступай себе к барину.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — отвести его на голубятню и запереть.

Степан отвел мальчишку.

Если «Арап Петра Великого» был задуман Пушкиным как во всех смыслах типичный исторический роман по следам В. Скотта, культивированный в 30-х годах XIX века во всем мире, то в «Дубровском» Пушкин, сохраняя видимость того же жанра (одного из немногих, открытых для писателя в эпоху николаевско-бенкендорфовского режима), наполнил его несколько иным содержанием. Основное отличие «Дубровского» от обычного исторического романа — в том, что в центре его не находятся ни определенные исторические события, ни определенные исторические лица. Характерно, что и самая эпоха романа мало отчетлива, неопределенна. Обычно расчисляя «время» своих вещей по календарю, Пушкин на этот раз пока еще менее всего думал о хронологии. Даты подлинного судебного дела, использованного Пушкиным, как сказано, не могут быть приняты в расчет — он еще не успел приспособить их к роману. Возможно, что он не оставил бы и 1762 года датой начавшейся карьеры Троекурова. По всему, однако, видно, что действие романа Пушкин склонялся отнести к более близкому ему времени. Об этом говорят и начальные слова романа: «Несколько лет тому назад...», и определение мундира старого Дубровского: «сшитый еще в 1797 году», и корнетство Владимира (этот младший офицерский чин введен в России только в 1801 г.), и упоминание (первоначально «покойного») генерала Я. П. Кульнева (1763—1812), и время суда (по указанию Пушкина, происходившего в «18** году»). Таким образом в смысле эпохи роман не может быть назван историческим, время действия его современно Пушкину. Поэтому Пушкин достал

и судебное дело, приблизительно отвечающее той же эпохе (1832 года).

Но методу исторического романа Пушкин оставался верен. В центре его внимания — показ русского феодального быта, внимание к изображению социальных сторон жизни помещного дворянства в его разновидностях. • Именно здесь Пушкин смог художественно воплотить свои воззрения на два слоя дворянства: старое, дошедшее до полного обнищания (первоначально Пушкин так и определял устами «холопа» этот тип, как — «голового дворянина»), и дворянство новое. Пушкин презирал это дворянство, возникшее из «ваксивших царские сапоги», из выдвинувшихся по родственным связям с участниками дворцового переворота. «Исторический» фон романа — это изображение расслоения дворянства. Оба героя-старика, как записал вначале Пушкин, «рождены в одном сословии». Оба они секут как своих, так и соседовых крепостных, но меж собой они — воюющие феодалы. Их рознь, их феодальная распря внутри своего «сословия» определила и роль молодого героя — Владимира Дубровского.

Наиболее законченной, наиболее целостной фигурой романа является центральный образ Троекурова. Троекуров — генерал-аншеф, т. е. «полный генерал» — одним рангом ниже, чем фельдмаршал. Он — бывший участник турецкого похода и не случайно дан на фоне оды Державина на взятие Измаила (1791), частично положенной на музыку композитором Козловским:

Гром победы раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёс,
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Пушкин колебался между осуждением Троекурова как представителя новой знати и любованием им как символом старинного русского барства. От этого рядом с сатирическими чертами даны и черты, привлекающие симпатию читателя. Пушкин широко рисует избалованность, властолюбие, самодурство, довольно ограниченный ум и тщеславие Троекурова, его чревоугодие, его «барскую праздность» и «буйные увеселения», его жестокие издевательства над подчиненными (включая учителей) и крепостными.

Первоначально Пушкин дает и картину крепостного гарема Троекурова. «Редкая девушка из его дворовых избегала сластолюбивых покушений пятидесятилетнего сатира. Сверх того в одном из флигелей его дома жили шестнадцать горничных...» и т. д. Это место Пушкин в два приема вычеркнул в рукописи, но в VIII главе, говоря о Троекурове, оставил ряд указаний на «других наперсниц, поминутно им сменяемых». Точно так же первоначально Пушкин с большей конкретностью хотел подчеркнуть тяжелое положение крепостных Троекурова, противопоставляя ему благосостояние его псарни: тепло, довольство, лазарет, богадельня, особый штаб-лекарь для «благородных сук». В черновике устами старого Дубровского этот контраст был подчеркнут так: «Дай бог... кабы и крестьянам вашим было житье такое ж, как вашим собакам».

Однако рядом со всей этой жизненной правдой, особенно резко выступающей из первых черновых контуров романа, Пушкин показывает и другие стороны характера Троекурова: «Он был великий хлебосол» (зачеркнутый вариант); он дружил со стариком Дубровским, уважал его и любил его независимое мнение, он сам мало заботится о выигрыше затеянной им тяжбы,

он не корыстолюбив от природы, благородные чувства торжествуют в нем — он едет искренно мириться с обиженным им соседом, желая возвратить ему «его достояние»; по-своему он любит дочь свою «до безумия»; он уважает храбрость в учителе и прощает ему за это гибель своего любимца — медведя.

Старик Дубровский, как первоначально отметил Пушкин, во многом сходен в характере и наклонностях с Троекуровым. Он также готов сечь не только своих, но и чужих крепостных и захватывает в плен имущество соседа-врага. Он также дан на фоне державинской эпохи (эпиграф к главе IV из оды «На смерть кн. Мещерского»). Лишенный родственных связей, Дубровский-отец не сделал карьеры при восшествии на престол Екатерины II, т. е., можно догадываться, как предок самого Пушкина, «верен оставался паденью третьего Петра». Во всяком случае он остался «бедным дворянином» с младшим чином «отставного поручика гвардии», владельцем всего 70 крепостных душ (у самого Пушкина в селе Михайловском было 80 ревизских душ), не щадившим, однако, ничего для приличного содержания сына. По замыслу Пушкина, он дан как человек непрактичный и неосмотрительный, но прямой и гордо обидчивый («я не шут, а старинный дворянин»). Несомненно, обиды старого Дубровского были близки сердцу Пушкина (ср. его размышления о старине своего собственного рода и фразу: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господ бога»), и мстителем за них Пушкин сделал своего героя — Дубровского-сына.

Косвенными обидчиками Дубровских, так же как и крепостных крестьян, является «чернильное племя» чиновников, паякспоклонство, продажность и крючко-

творство которых с полною силою обличаются Пушкиным в образах начальников уездной полиции, — лихоимцев исправников и дворянских ставленников, — мелких заседателей и судей. Намереваясь в согласии с образцами западноевропейского романа ввести подлинный судебный документ в роман, Пушкин предложил ему следующую остро сатирическую мотивировку: «мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет узнать один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имени, на владение коим имеем неоспоримое право».

Характерно, что имению Дубровского Пушкин дал название Кистеневки, по имени соседнего с Болдиным (в 135 верстах от Волги) сельца, полученного Пушкиным от отца в 1830 г. Кистенево ранее принадлежало деду Пушкина Л. А. Пушкину (1723—1790) — стороннику Петра III, противодействовавшему восшествию на престол Екатерины II. При Л. А. Пушкине Кистенево и образовалось как особо выделенное за самоуправство и бунт оброчных крестьян, опальное село. Для Пушкина поэтому было естественно именно с этим селом, где улицы носили красноречивые названия «Самодуровки» и «Бунтовки», связать сцены восстания крепостных в «Дубровском». Понятно, Кистеневка в «Дубровском» не может быть рассматриваема как изображение реального пушкинского села. Это собирательный художественный образ, в основу которого легли также впечатления Пушкина от Михайловского и Болдина, как легли они и в основу изображения села «Горюхина». Точно так же как в «Истории села Горюхина» отразились подлинные взаимоотношения Пушкина, «возившегося с заседателями, предводителями и всевозможными

губернскими чиновниками», так и в «Дубровском», вероятно, он вспоминал реальные свои отношения со следственным и судебным органом — земским судом и мелкими чиновниками и провинциальными канцеляристами — «подьячими», «приказными» и «стряпчими». Их воплощение — фигура Шабашкина, «стращающего и подкупающего судей» и толкующего «вкрив и впрям всевозможные указы».

В бумагах Пушкина сохранилась также следующая запись, возможно, делавшаяся также с целью документировать сцены суда в романе и свидетельствующая об изучении документальной стороны и терминологии судопроизводства:

«Исправник. Заседатель Земского суда. Секретарь. Стряпчий. Письмоводитель (писарь). Солдат (унтер инвалидной). Священник ближний. Привозят — *Зерцало* в избе. Священник с крестом, с евангелием. *Следствие*: донос на кого?

Форма вопроса: Чей ты?.. Зовут меня Д... дворовый человек такого то господина. От роду столько то. Вероисповедание. На исповеди и у святого причастия бываю через год. Наперед сего в штрафах (в приводах) под следствием и судом никогда не был. Ты убийца — за что — и как, апелляцию — срок год».

Окрестные помещики изображены Пушкиным либо в сатирических, либо в юмористических красках, с подчеркиванием их угодничества и подбострастия по отношению к сильным, чревоугодничества, сплетничания и трусости. Создавая комическую фигуру Антона Пафнутьевича Спицына, Пушкин наделил его фамилией, взятой из подлинного судебного дела.

Особым типом помещика, побывавшего «в чужих краях», является фигура пресыщенного жизнью франтоватого богача князя Верейского, обладателя двух орденов, 3000 душ, швейцарских коров и картин иностранных художников. Долгая светская жизнь за границей заставила старого щеголя отвыкнуть от русского быта: надушенным платком он зажимает нос, находясь на псарне, русскому саду предпочитает искусственную природу английских садов и собственный дом на берегу Волги строит в стиле английского замка, наполняя окружающие его места мраморными статуями и освещая их фейерверками.

Рядом с цинической его холодностью к невесте Пушкин правдиво подчеркивает «чувство и воображение», с которым Верейский говорит о произведениях искусств, и отдает должное его смелости в решительный момент. Видимо, элементы западничества и аристократизма, широта, с которой он шел на *tous les frais* (все расходы) для гостей, — все эти свойства, присущие типу Верейского, нравились Пушкину и живыми чертами скрасили в романе его неприглядную роль «нелюбимого», насильно навязанного героине мужа.

По собственным впечатлениям от русской деревни изображал Пушкин в «Дубровском» и мир крепостных крестьян, занявших совершенно необычное место в дворянском русском романе начала XIX века.

В феодальной войне господ крепостные отчетливо делятся на два враждебных лагеря, забывая о подлинно-общих, единых своих интересах против всего угнетающего их барства.

Но за этим крепостным мирозерцанием темной массы Пушкин показывает ярко-индивидуальные фигуры отдельных крепостных, в которых шевелятся

чувства социального недовольства и личной действительности. Такова в своем роде единственная для всей дворянской литературы фигура кузнеца Архипа. Протестующий и ведущий его голос выделяется из толпы, переговаривающейся с приказными. Это он выступает с неизменно упрямой формулой «как не так» не только против исправника, но и против своего барина. Он же твердо повторяет те же слова с злобной улыбкой, взирая на просящих о помощи горящих приказных, и еще раз — в ответ на просьбу разжалобившейся Егоровны. Для него именно в этот момент «теперь всё ладно». Но Пушкин менее всего хотел показать этот образ как образ «злодея», тут же подчеркнув человеческие чувства того же кузнеца, лезущего в огонь, с опасностью для жизни, чтобы спасти... «божию тварь» — кошку. Дубровский в первоначальном замысле мог «вязать суд», но «убивает суд», конечно, герой из крестьянской среды — Архип.

Не менее характерен и вышеприведенный эскизный набросок маленького крепостного спартамца Мити, стойко переносящего порку, но не выдающего тайну, в отличие от противопоставленного ему «незаконного» сына Троекурова — Саши, убоившегося одной угрозы наказания.

В няне Дубровского несомненно сказались черты реальной няни самого Пушкина. Не только ее имя совпадает с именем Арины Родионовны, но и тон сохранившихся писем последней к самому Пушкину (от 30 января и 6 марта 1827 г.) лег в основу письма Арины Бузыревой. Не случайно и описание приезда Дубровского к отцу (оно дублируется и в «Истории

села Горюхина»), близко воспроизводящее впечатление самого Пушкина от его приезда в 1824 г. в село Михайловское (встреча с няней и дворней).

III

Над мыслью об изображении крестьянского бунта Пушкин думал долго и напряженно, именно на этой теме бросив начатую в 1830 г. «Историю села Горюхина». Новая форма исторического романа, данного как занимательное авантюрное чтение, требовала от Пушкина фигуры центрального героя. Организатором крестьянского «бунта» был избран молодой помещик Владимир Дубровский.

Самая фамилия, заменившая первоначального Островского, была вероятно выбрана Пушкиным как довольно обычная в Псковской губернии. К тому же Пушкин, видимо, знал исторические материалы о помещике Дубровском, крестьяне которого в 1737 г. помогли бежать чужому крепостному за польскую границу и под водительством Дубровского оказали вооруженное сопротивление солдатам, скрываясь в лесу. Владимир Дубровский был задуман Пушкиным как романтический герой этого исторического сюжета. Нащокинские материалы и собственные наблюдения давали Пушкину реалистическое наполнение сюжета, разбойничий роман — как особая ветвь исторического романа — подсказывал формы литературного осуществления.

Но, показывая Владимира Дубровского на фоне овеянного бунтарской романтикой Приволжья, на фоне русских народных «разбойничьих» песен («Не

шуми ты, мати зеленая дубровушка»), Пушкин прекрасно чувствовал, что его Владимир может быть только очень относительно показан как вождь крестьянства. Крестьянство поддерживало Дубровского как «мстителя» за унижения своего отца, своего рода, но вкладывало в свой союз с ним совершенно иное содержание. Недовольство крестьянства помещичьим и чиновничьим строем вообще нашло некоторый выход в войне, объявленной одному помещику другим.

Юный Дубровский, в сущности, глубоко чужд этой силе и ее нуждам и интересам, так же как крепостная масса глубоко чужда его интересам. Пушкин характеризует Дубровского так: «Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги». Крестьяне — случайные попутчики и пособники его, так же как Владимир Дубровский — только случайный их попутчик и вождь. На предложение крестьян: «прикажи, сударь, с судом мы управимся», Владимир отвечает: «Стойте смирно». На призыв крепостного: «Ребята, вязать!», Дубровский кричит: «Стойте... дураки, что вы это? вы губите и себя и меня — ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его — он нас не обидит — мы все его дети — а как ему за вас будет заступаться, если вы станете буйствовать и разбойничать». Он останавливает кузнеца с топором словами: «Не приказные виноваты». Поджигая собственный дом, чтобы он не достался личному врагу, он просит отпереть двери, дать возможность спастись приказным.

Пушкина интересовало положение, зачастую изображавшееся и в западноевропейском романе (например, у В. Скотта): когда человек стихийною силою

вещей и событий занимает совершенно несвойственное ему место и положение. В этом смысле «Дубровский» уже во многом подготавливает почву для обрисовки героя «Капитанской дочки».

Силою вещей Дубровский становится «благородным» разбойничьим атаманом, героем романтической мелодрамы, живет в землячке, обвешанной богатыми коврами, с приготовленным для героини «женским серебряным туалетом и трюмо». Самый роман его с дочерью врага задуман Пушкиным как вариация традиционных положений «разбойничьего», «исторического» и «авантюрного» романа. Ряд положений «Дубровского» заставляет вспомнить о романах Нодье («Сбогар») и особенно Вальтера Скотта («Лэммермурская невеста», «Роб-Рой»). Сам Пушкин раскрывает литературный фон своего «Дубровского», называя в романе имена родоначальницы «ужасного романа», «романа тайн» Анны Рэдклиф (1764—1823) и разбойника Ринальдо-Ринальдини — героя одноименного романа Х. Вульпиуса (1762—1827), а также сравнивая свою героиню с Альдонсой — влюбленно-рассеянной героиней поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод».

Сцены свиданий с Марьей Кириловной Троекуровой, картины «благородного» разбойничества Дубровского, нападающего на сильных и защищающего слабых, ситуация переодетого разбойника, присутствующего при разговорах о нем, наконец самое ожидание героиней жениха до момента ее насильного обручения — все эти моменты легко сопоставляются с аналогичными положениями западноевропейского романа. Последняя ситуация (героиня верна своему «долгу») была близка Пушкину, повторяя положение из «Евгения Онегина»

«Разбойничество» Дубровского, его социальный протест, выступает ярче всего в сцене сражения с правительственными войсками. Здесь волей-неволей Дубровский впервые вынужден обстоятельствами окончательно поставить себя вне закона. Но и набрасывая эту сцену, Пушкин тщательно взвешивал степень личного участия Дубровского в битве. Правда, Дубровский сам стреляет из пушки, вынужден лично убить правительственного офицера, но здесь же в рукописи Пушкин, отменяя строки о раненых солдатах, записывает для себя: «ранен только один офицер, да солдат».

Характерно, что как только борьба оказалась конченной, дворянин Дубровский покидает своих недавних товарищей со словами: «вы все мошенники, и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло».

Пушкин не осуществил заключительного — третьего — «тома» своего историко-социального романа. В его воображении уже являлся новый герой — подлинный вождь, выразитель и организатор крестьянского восстания — Пугачев. Но и в незавершенном своем виде «Дубровский» дает зарисовки уверенного пушкинского мастерства. Он свидетельствует о невиданном в начале XIX века размахе замысла, о попытке поставить в русской литературе в форме историко-бытового романа проблему расслоения помещичьего общества и дать картину стихийного клочкотанья русского крестьянского бунта.

А. ПУШКИН

ДУБРОВСКИЙ

Редакция текста и статья

Д. Якубовича

Рисунки

А. Пахомова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Художественная литература“

ЛЕНИНГРАД • 1935